

СЛЕДЫ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ СВВ. КИРИЛЛА И
МЕФОДИЯ В КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА
(НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА ТОСКА)

Анализ предикатов, эпитетов к концепту и фразеологических единиц с компонентом **тоска** позволил выделить ряд метафор (МФ), характеризующих данное понятие:

1) как неодушевленный предмет/стихию: тоска – огонь, холод, жидкость, твердый материал. "Материальное" представление о **тоске** выражается в эпитете *поддельная*. МФ **тоска – удручивая атмосфера** коррелирует с этимологической мотивировкой 'стеснение'. Пространство **тоски** противопоставлено всему остальному пространству (*вгонять, вводить в тоску; тоска сжимает, теснит*). При "погружении" в **тоску** это состояние переносится на окружающий мир (*безмерная, беспредельная, вселенская тоска*). "изнутри" ее пространство оказывается больше, чем снаружи;

2) как ощущение: тоска – болезнь/боль/рана. **Тоска** переходит в область телесную (этимологическая сема 'стеснение'; "тошно" – о ноющем, тянущем, сосущем ощущении в желудке; *тосковать* обл. 'болеть, ныть'; тоскуша – имя лихорадки). Этимологические семы 'горе', 'пустота' в наивной картине мира связаны с голодом (*Хлеба ни куска – везде тоска; Красиво, да животу тоскливо*), **тоска** в оппозиции "бедный – богатый" характеризует бедного человека (ср. родств. "тощий").

3) как живое существо: тоска – змея, тоска – волк, тоска – пес. Звуки, с которыми связана **тоска**, напоминают крики животных: *завить с тоски, ноющая тоска* и др.; В. Даль отмечает орл., калуж. "тоскуня" – ворон – крятун; в Синодальном переводе Библии – "тосковал, как голубь". **Тоска** живет в душе и сердце человека. Возникает МФ человек – дом, где залегае, поселяется тоска. **Тоска** получает и антропоморфные черты. Она – злой и агрессивный враг человека. Все действия против нее обречены на неудачу (*неистребимая, необоримая, неукротимая* и мн. др.).

О семантической емкости концепта **тоска** в русском языке свидетельствует Синодальный перевод Библии начала XIX ст., где рядом не родственных между собой греческих лексем соответствует **тоска, тосковать**. В контексте все они связаны со смертью (2 Цар.1.9., Пр. Соломона 12. 25, Ис. 38. 14, Мф. 26.37, Мр. 14.33).

В целом в языке выражено негативное отношение к тоске. МФ тоска – лес, тоска – болото, тоска – море подчеркивают, что в характерной для наивной картины мира оппозиции "свой – чужой" тоска является чуждой человеку силой. МФ тоска – твердый материал, который давит, тоска – болезнь/боль/рана, предикаты находит, нападает, фразеологизм "впасть в тоску" свидетельствуют о перемещении человека в тоске вниз, что является отражением в языке ненормальности этого состояния. МФ тоска – осень, тоска – вечер, лексема тоска в Синодальном переводе в соответствии с греч. *οκotos* 'темнота, мрак, неясное' позволяют говорить о принадлежности тоски в оппозиции "свет – тьма" мраку. В духовном пространстве тоски как основная акцентируется сема 'лишенности' (*безнадежная, безрадостная* и мн. др.), происходящая из этимологической мотивировки 'пустота'. Состояние тоски противоположно веселью, общению, покою, радости, творчеству, труду; сопряжено с боязнью, гордостью, ленью, мятежом, недугом, нервным возбуждением, печалью, предчувствиями, сожалением, суеверием, тревогой, унынием. Тоска – состояние "земное", бессловесное. Безотчетность состояния тоски (*беспричинная, неясная*) и невозможность его выражения в речи (*безмолвная, неизъяснимая*) приводят к ограничению пространства вокруг Я и к "смерти" Другого. Хронотоп исследуемого концепта (*вводит, впасть в тоску*) сближает его с понятиями греха, искушения, что подчеркивает МФ тоска – змея. МФ тоска – болото, тоска – волк, тоска – пес, тоска – холод, эпитеты *адская, мертвая, смертельная*, дериват тоскуня "ворон", движение человека в тоске вниз свидетельствуют о принадлежности тоски в оппозиции "жизнь – смерть" смерти и связи с инфермальными силами. Замкнутость пространства тоски (ни в эпитетах, ни в этимологии нет связи с небом) предполагает выход только в небытие (*пропасть, удавиться, умереть с тоски*) или в состояние опьянения (ср. у Даля: *Пей – тоска пройдет*).

Язык предлагает некоторые выходы из тоски: сема 'лишенности' способствует развитию семы 'стремление' (ср. тосковать по+Д,П). Поскольку в качестве актанга второго может выступать человек, то предикат приближается к лексико-семантическому полю "сочувствия". Так для человека в тоске появляется Другой. Реализуя потенциальную сему 'мысленно воссоздавать образ жлаемого', глагол переходит в поле глаголов речи и интеллектуальной деятельности: тосковать о+П. Тоска становится осознаваемой, теряет свои замкнутость и агрессивность.

Оценка тоски и ее последствий в языковой картине мира, как видим, проводится в координатах православного мировосприятия. Старец Амвросий Оптинский, например, считал тоску единственной причиной греха винопития; ее вызывают скудость веры в промысел Божий и надежды на его милосердие в стеснительных обстоятельствах, а также оскорбленное самолюбие и тщеславие, когда что-то препятствует исполнению мнимоблагих желаний ("земные", по его мнению, причины). Безотчетная тоска наводится врагом людей, и ее следует терпеть как крест духовный. Решительные действия в этом случае – сердечная молитва, поскольку человек сам не в состоянии выйти из тоски (ср. в соответствующих эпизодах Библии тоска побеждается молитвой, лишь самоубийца Саул не видит выхода).

Литературный язык древних славян, обработанный свв. Кириллом и Мефодием (церковнославянский язык), по мнению некоторых исследователей, был призван выражать не исконное (языческое), а заимствованное через греческий (христианское) содержание. По отношению к системе оценок в концептосфере современного русского языка, на наш взгляд, правомерным было высказывание Е.М. Верещагина: "Наш современный нормированный язык ... – это подлинный и прямой наследник Кирилло-Мефодиевского языка". Православное мировидение аккумулировано в концептуальной системе русского языка и веками духовного совершенствования, хождения в заповедях Божиих.